

18+

ВАСИЛИЙ
ПОПОВ

ПАРЯНД
ЧУЖИМИ
ПЕРОКАМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Василий Попов

Паря над чужими пороками

«Автор»

2016

Попов В. Л.

Паря над чужими пороками / В. Л. Попов — «Автор», 2016

В разгар криминальной войны один из братьев в результате несчастного случая "зависает" между жизнью и смертью. Нетленная частица человеческого существа парит над его телесной оболочкой, не разрывая тонкую связь между ними окончательно. Эта призрачная материя влияет на происходящее между людьми, на передел сфер влияния, на кровавые разборки; для кого-то эта сущность становится ангелом, для кого-то демоном. Содержит нецензурную брань.

© Попов В. Л., 2016

© Автор, 2016

Василий Попов

Паря над чужими пороками

Странно: Саша так долго ждал этот день, и когда он наконец наступил, ему показалось, что он перегорел, и этот момент принесет совсем не то, что он ожидал. Обычный октябрьский день. Тучи слились с серостью зданий. Сегодня освобождается из тюрьмы брат. Его старший брат. Не рядовое событие в жизни любого человека.

Саша как-то провел аналогию происходящего с рождением человека: вот он вынашивается в чреве исправительного учреждения определенный срок и выбрасывается в социум, в новый мир, так как старый мир уже стерся, растворился, умер. Остался лишь в памяти людей, на фото, на цифре. Но все эти носители довольно зыбкие – время стирает из памяти людей, человеческие предрассудки стирают со всего остального.

Звонок телефона вырывает из раздумий.

– Привет.

– Привет.

– Ты не забыл?

– Нет.

– Может, я тоже поеду?

– Нет!

– Перезвони, расскажи, как все прошло...

– Да...

Холодный душ. Не менее холодный завтрак – нетронутый вчерашний ужин. Холодный зеленый чай. Дышат теплом лишь автомобиль и мажорные ноты латинской музыки. Три часа дороги. И три до встречи.

Что она несет? Любая встреча несет в себе что-то. Ожидания, последствия. Эту встречу ожидают не только он и Дэн. Еще масса людей – людей, которых трясет от ожиданий и которые планируют результат этих ожиданий, закладывая в проекции успех для себя и неминуемый крах для других. А как же еще? Как иначе? Ведь инакомыслие противоречит жестким внутренним правилам. Идет вразрез с гипертрофированным эго, создающим эти правила. Конечно, никто не хочет быть изгоем и уж тем более "изгеем" – одним из геев. Хотя при этом каждый третий представляет собой морального гея. Такую двадцатидолларовую бл...дь, при этом твердо декларирующую о моральных ценностях.

Звонок.

– Да, мать.

– Ты забрал брата, Сашенька?

– Только еду.

– Не поздно?

– Нет.

– Есть ли у него теплые вещи? – вот что меня беспокоит.

– Ма, ему не бежать в поле голому!

– Ну да, ну да... Позвоните сразу: отец волнуется!

– Да...

"Хотя, может, ему лучше бы бежать в поле голому?"

В лобовое стекло заколотил дождь, заставляя трудиться дворники. Сумерки поглотили магистраль. Мелькают указатели, чередуясь с дорожными знаками. Автомобили слепо крадутся, высвечивая фарами куски дороги. Оголтелая "электронщина" даже гармонирует с утренним дождливым мраком.

Отношения людей, сама жизнь, весь мир поделились на временные отрезки. Три периода: до того как Дэн "уселся", после этого знаменательного события и на момент, за две недели предшествующий сегодняшнему дню. Все отрезки разные, друг на друга не похожие ни по времени, ни по важности, ни по яркости текущих событий.

Дэн старше Саша на пять лет. Разные, как небо и земля. Дэн – худой, прямой и взрывной. Саша же – плотно сбитый, с открытым сознанием и трезвым рассудком. С непохожим миро-восприятием, словно люди из разных миров.

Дэн участвовал в сомнительных мероприятиях, вплетая в свой жизненный опыт события в основном темного характера. Саша строил проекты и разрабатывал стратегии в чуть ушедших в сторону от легальных направлениях. Оба смотрели на деятельность друг друга с явным скепсисом.

Но, как ни странно, именно Дэн залез в один полутемный коридор между двумя, казалось бы, легальными трансконтинентальными компаниями. Став прочным звеном в цепи.

Говорят, что незаменимых людей нет, но, как оказалось в действительности, Дэн им стал. Два потока разного, но равноценного товара сошлись в середине между точками А и Б. На одном человеке. Им и оказался Дэн. Товар одной компании, идущий в потоке, представлял собой основную стратегическую единицу, хоть и не совсем светлую. Ну а товар, идущий в обратном направлении, был абсолютно левый, хоть и востребованный на рынке. Вторая компания, находящаяся в противоположной точке земного шара, не заботилась о прозрачности своих бизнес-ходов. Всех интересовала генерация доходов. Свел их не кто иной, как Дэн. Саша помог ему только с логистикой.

Проект просуществовал ровно год. Все были довольны и заглядывали в долгосрочную перспективу. Но оба потока остановил Дэн, решив, что ему просто необходимо отдохнуть, подлечить нервы, расшатанные его бесконечными "расколбасами", восстановить душевное и физическое состояние. В силу безвременной актуальности проекта, не поддающегося влиянию ни экономического, ни демографического положения, ни микросреды, его все-таки было решено приостановить. Менять ключевую фигуру – Дэна – никто не хотел. Он устраивал обе стороны. А принесенный за год доход покрывал с лихвой период простоя. Все ждали. Надо отдать им должное – они умели ждать.

Дождь хлестал легче, и серость мрака расступалась, указывая дорогу. Саша резко нажал на педаль тормоза, заметив в свете фар светлый предмет. Джип слегка таскануло вправо, и он замер перед неопознанным объектом. Сквозь полируемое дворниками стекло Саша увидел тело собаки, лежавшее на спине, с кровавыми пятнами на голове. Включив аварийки и выйдя, он махнул рукой проезжающему мимо гудящему автомобилю. Он закурил, разглядывая тело друга человека. Саша знал, что докурив, он оттащит тело в кювет.

Лилька приучила его к подобным «почестям». Хорошо, что ее нет. Она дальше по трассе указала бы на раскатанный клочок шерсти и сказала бы: "С ним могло произойти то же самое... Мы не допустили этого!" И когда он ехал один, то выходил и, используя пластиковый пакет, убирал с дороги трупы животных. Он не мог проехать мимо. Нет, не из-за Лильки. Ему казалось, что уложенные ранее в кювет тела станут бесполезны, если он проедет хоть мимо одного.

Накрыв тельце пакетом и листвой, он сказал:

– Не склеп, конечно, извини, Мухтар, но хоть что-то...

Все собаки были Мухтарами, а коты Барсиками. Они иногда приходили к нему во сне – армия Мухтаров и Барсиков.

Дождь прекратился, и на дорогу выехал транспорт. "Словно черви после дождя!" Дорога стала веселей. Электронные цифры часов на спидометре приближали Сашу к пункту назначения, к волнующей встрече.

Дэн не так тривиально сел на нары, как могло бы показаться с позиции обывателя. Конечно, он вел себя отвратительно в своих "бенефисах". Он всегда был скандальным типом и презирал инакомыслие. Если веселился он, значит, должен был веселиться весь мир вокруг него. И даже те люди, кто был объектом его весьма дерзких шуток, и те, кому было совсем не до шуток в этот момент. Те, кто судорожно набирали номера своих знакомых и номера знакомых своих знакомых, пытались найти хоть кого-то, кто мог бы хоть как-то избавить их от этого "веселого" парня. Саша не раз был очевидцем этих разговоров и последующих дискуссий на абстрактные темы.

Раньше это заканчивалось и драками. После запуска проекта "двойной поток" все стало заканчиваться гораздо корректней. Дэн попал в разряд "неприкасаемых". Но он сам никогда не использовал это. Он продолжал себя вести так же, как и раньше.

Просто некоторые личности с аппетитами и шеями гиен, но зубами хомячков не могли оставить без внимания финансовый рост этого драчуна и "дрочилы" мозга местного истеблишмента. Но все-таки, какая бы шея ни была, жаба – одна из самых сильных земноводных. Они принялись копать под Дэна с настойчивостью кротов, но, видимо, не совсем слепых, так как смогли различить предупреждающие знаки.

Что Саша ценил в брате, так это то, что при слове «работа» тот выходил из орбитального витка своих пристрастий, растворялся и выполнял свою уникальную работу. Это все же раздражало тех, чья грудная жаба была не физическим недугом, а основной чертой их многогранных характеров. Это стадо бизонов с поросычьими глазами все-таки выпросили для себя карт-бланш на смещение Дэна с его веткой потоков, но с условием, что предложенная ими не будет уступать той, которую проложил Дэн.

Людам свойственно ошибаться. Скорее всего, жаба передается воздушно-капельным путем на закрытых совещаниях. Но Саша и Дэн предполагали подобное развитие событий, и новые потоки после серии скандалов и фотосессий в криминальной хронике прекратили свое существование, так и не успев набрать «ход». Дэн стал необходим как воздух. Но он объективно оценивал поступки, будь то предательство или дружески протянутая рука.

Ко всему прочему, семейные передраги Дэна достигли кульминации. Каролин устала от этого хоть и швыряющего банкнотами, но порой неадекватного человека, с которым они поклялись в присутствии родственников, находясь в экстагическом состоянии счастья, дойти рука об руку до смертного одра. Были еще препараты. От экологически чистых до тех, что синтетикой обновляли рынок. Дэн, как спортсмен, добежавший до пагубных привычек, и здесь собирался ставить рекорды.

Саша принял решение Дэна как должное.

В тот весенний день солнце уже пекло буйные головы населения и укорачивало своими лучами, как ножницами, юбки изящных и желанных. Глянцевый, модно одетый молодой человек уселся на центральной площади в такси и, ткнув в пузо таксиста «вороненую сталь», потребовал денег, а затем приказал вызвать полицию и до приезда представителей правопорядка нюхал какую-то дурь и кидался окурками в прохожих. Приговор суда – семь лет тюрьмы закрытого типа. Суд был беспристрастен.

Своим поступком Дэн довел до дрожи корыстолюбивых руководителей компаний, участвующих в потоке. Их нечеловеческие усилия привели к тому, что задним числом в приговор была добавлена строка об освобождении заключенного с половины срока, если исправительное учреждение будет не против. " Нечеловеческие" усилия дотянулись и до учреждения – до тех, кто устанавливает режим, и тех, кто этот режим подстраивает под основную массу. Дэн смог сравнить эти заведения с теми, которые испытывал на прочность раньше. У него была возможность, сидя на казенных хлебах, дегустировать новинки веществ, создаваемых в лабораториях. Но он оставался непоколебимым. Что радовало регулярно посещающую его Каролин и мужающего на глазах Сашу.

Сам Саша был глух к наркотикам, ловя кайф от одного вида употребляющих. Его забавляла сама структура изменения состояния человека, тот циклический процесс от человека к богу (условно, конечно) и от второго к животному. Ему нравилась эта ускоренная эволюция, и он не хотел попасть в качестве подопытного кролика в поле зрения какого-то наблюдателя.

Саша всегда с интересом слушал всплески эмоций, везя со свиданий жену брата. Она была счастлива. И в тоже время с тоской говорила о его освобождении, видимо, еще свежи были воспоминания в ее памяти. Саша пытался уверить Каролин, что все изменится. Все это время Саша безбедно существовал на доходы, что приносила приобретенная в теплых странах недвижимость, сезонно окупая вливания. Это не требовало особого напряжения и давало возможность развивать себя. Поддерживать родителей и Каролин, которой помогали существовать часть процентов прибыли от финансовых вложений Дэна. Ну и Лилька...

Лилька с короткой мальчишеской стрижкой, цвет которой менялся каждые два месяца. Проникающие в самого тебя глаза и непозволительная для студентки точность понимания человека, его сути, его я, его состояния души.

Первыми, кто предстал перед Сашей в отсутствие брата, (с момента его заключения прошел месяц) были Бил и Пил. Свои звонкие "погремухи" они приобрели в процессе своего жизненного пути. Один постоянно кого-то бил, другой с не меньшим постоянством что-то пил. Они очень удачно дополняли друг друга, имея одну извилину на двоих. И та была неостребована, стимулировалась только при получении приказов и их выполнении. Как чернорабочие при этом они были идеальны, за что и были дороги работодателю. Этот дуэт поджидал Сашу у входа в магазин оргтехники, выходя из которого он наступил на ногу Пила.

– Что это?– услышал Саша хриплый пропитый голос и ощутил стойкий букет перегара.

– Брат, ты хотел спросить, кто это? – Бил стоял на расстоянии джеба.

– Нет! Кто это, я вижу, а вот что это?

Все трое смотрели на лакированный офисный Сашин Гисси, лежащий поверх грубого армейского ботинка Пила. Саша ожидал подобную встречу, зная ее вероятную причину. Знал он и работодателя этого тандема. Прохожие с опаской и интересом поглядывали на троицу, создавшую затор возле магазина.

– Давайте без петтинга,– сказал Саша, убирая ногу.– Если вас прислали развесить гематомы на моем лице, может, отойдем в сторону?

Бил, словно от удара, уклонился от последней фразы. Его напарник сплюнул через расщелину в зубах. Но они невербально согласились с Сашей. Все трое удалились в сквер.

– Мы по делу, – выдохнул СО2 Пил.

– Тогда продолжим брифинг, – предложил Саша.

Бил с ухмылкой разглядывал свои иссеченные шрамами кулаки.

– Дэн сидит?– начал Пил.

– Это точно,– подтвердил Саша, глядя в глаза с лопнувшими капиллярами.

– А коридор пустой...

– И??

– Надо что-то делать!

– Поставьте туда шкаф!– Саша заметил, как тень ухмылки промчалась по лицам оппонентов и исчезла.

– Помогите нам свести концы...

– С концами? Ну так ведь я не подаю. – Саша кивнул в сторону храма. – Это там, на паперти...

Подбородок Била опустился на левое плечо. Саша не шелохнулся, но решив закончить быстрее, произнес:

– А если вы о делах брата, то это ж очевидно: если бы Дэн сказал мне хоть слово, его уже давно оттащили бы в сугроб. – И не дожидаясь, пока они обработают эту несложную инфор-

мацию, добавил: – Я думаю, Мохнатый не дурак и понимает это. Если это все, то мне пора. Извините!

Саша заметил, как нервно дернулся кадык Пила. Развернувшись, он ушел прочь.

На этом попытки закончились, хотя он регулярно ловил "доброжелательные" взгляды этих и других представителей касты жаждущих приобщиться к чьему-либо готовому проекту и со временем сделать его своим. Самым интересным было то, что эти хищники с "благородно" brutальными лицами в прошлом были хорошими знакомыми, а кто-то даже друзьями Дэна. Но некоторые из них внезапно сделали переоценку ценностей, обнаружив расхождения во взглядах с Дэном, жизнь при этом все расставила по местам сама. И все они, зная Сашу как неотъемлемую часть Дэна, все это время косились и обходили Сашу стороной, как прокаженного, едва заметно кивая и пряча глаза, если встреча была неизбежна.

Но ситуация кардинально изменилась за две недели до этого дня. Это случилось во вторник. Саша отвез Лильку в институт, выслушав по дороге краткий анализ и оценку их отношений. Обнаруженная цикличность в них дала импульс ее внутреннему голосу, что необходимо что-то менять, иначе они погрязнут в рутине. Тем не менее, она перед выходом из машины взяла его небритое лицо в "чашу" из ладоней и с минуту дула в его глаза. Это значило: "он не должен так волноваться, она хранит тепло их очага в своих руках и сдувает с него рутинный пепел бытовых пожаров". Саша в раздумьях покачал головой, обратив внимание на то, как хозяйка двух собак растаскивали питомцев по сторонам.

"Звери, как люди... Неужели нас с Лилькой обстоятельства растащат так же в разные стороны"?

Закрывая эту сцену, его размышления прервал внедорожник штутгартских мастеров. Окно открылось, приглашая Сашу сделать то же самое. За рулем находился Женя Мойдодыр. Когда-то они с Дэном занимались спортом. А прозвище свое Женя получил за "чистоплюйство" как в прямом, так и в переносном смысле. Красивое лицо Мойдодыра было в мелких точечных шрамах, что, однако, не влияло на расположенность к нему.

– Саш, ты занят? Может, съездим шары погоняем? В "Тулузе" сейчас никого...

– Абсолютно свободен, – ответил Саша, бросив взгляд на часы.– Поедем!

Он мысленно отложил все дела, понимая, что это не просто партия в бильярд, а как минимум разговор, как максимум – предложение. Женя являлся лицом сети автомагазинов и, несомненно, был знаком с массой людей, а значит, владел различной информацией.

Бильярдная действительно была полупуста. Мойдодыр размашистой походкой увлек Сашу к самому дальнему столу.

"Тулуза" представляла собой полигон с восемью столами русского бильярда, длиннющей стойкой бара и десятком столиков. Заведению с десятком лет. Обновлялось дважды. Много зеркал и алюминия.

– Вытри, я сказал!

Мойдодыр заставил официантку протереть дерево бильярдного стола, столик возле него и вешалку, куда он повесил пальто. Его здесь знали и к капризам привыкли, но в особый сервис всегда включали пререкания, увеличивая тем самым чаевые. Кто же будет доплачивать за покорное раболепие?

Женя лично протер вынутый из шкафа персональный деревянный кий с красивым орнаментом. Разбивая пирамиду, он уложил свой шар в лузу.

– Мы же свои, Саш?– спросил Мойдодыр, целясь в "чужой" шар.

– Свои?– переспросил Саша и попытался себя ассоциировать с протертым Мойдодыром кием и забитым первым шаром. От этих мыслей даже повеяло уютом, поэтому он уточнил:

– В каком смысле, Женя?

– Ну я помню тебя еще "пиздюком"!

Саша хмыкнул и спросил:

– И меня к чему-то это обязывает?

Мойдодыр, держа конец кия на сукне, с полминуты смотрел на Сашу и сказал:

– Особо ни к чему... – и, смазав шар, добавил: – Но к откровению – да!

Забив два тонких "свояка", Саша уточнил:

– К двухстороннему?

Мойдодыр посмотрел на подошедшую официантку так, словно она должна была знать ответ на Сашин вопрос. Но та, словно немая, поставив стаканы, удалилась. Женя подошел к Саше, оперев кий о пол, с каким-то отвращением натерев его мелом, сказал:

– Конечно, а как же иначе? Скоро выйдет Дэн. – В черных глазах Мойдодыра отражались лампы, висящие над зелеными полями. – На самом деле, это проблема и, в первую очередь, для вас!

– Ну да... Трудоустройство, надзор и все такое...

Забив еще два, Саша "киксанул". Мойдодыр с ухмылкой закончил партию и спросил:

– На поле?

– Давай!

– Я не об этом, – продолжил Женя, разбивая шары. – Буду краток, чтобы не утюжить пустоту... Дэн мешает людям, и я сейчас не о месте на парковке говорю... Да, он молодец! Честь ему и хвала – на ровном месте счастье выстроил. – Он двигался вокруг стола, выискивая подходящий шар. – Но счастье – оно для всех, Саш! Оно как солнце: нельзя положить в коробок и греться, открывая дома, когда захочется. – При этом Мойдодыр вогнал два прямых шара. – Ты же помнишь, как Дэна уносить стало, его ж болтало как при гололеде. – Он забил еще два своих на средние лузы. – Согласись, Саша! Это же нормально: побыл счастливым – дай другим побыть! А Дэн словно эгоцентрист... Вот ты, Саша, потерся об эти лучи счастья?

– А мне ни к чему, я по жизни счастлив!

Мойдодыр после этих слов смазал, но вкатил «дурака», и по-честному достав шар, поставил его у борта. Саша разложил "штаны" по крайним лузам.

– Ни для кого не секрет, что люди попытались своими усилиями, – продолжал Женя, – не касаясь Дэна, порадоваться жизни. И что получилось?

– Что? – спросил Саша, "отрывая" шар от борта.

– Да ничего... Сотлела их радость! И существует мнение, что именно Дэн был поджигателем.

Саша промазал, закипая.

– Жень! Что за ахинею ты несешь? Счастье... Радость! Так красиво трактуешь... – Саша буквально впился в глаза Мойдодыра взглядом. – А где ты сам-то был, когда Дэн проект обкапывал? Составлял матричный анализ бизнес-портфеля и смотрел в рот креативному директору, при этом прижимая жопой кресло к полу, чтобы не выскользнуло?! – Когда Саша распылялся, тембр его голоса варьировал между хрипотой и легким повизгиванием. Это его всегда смущало, но не сейчас. – Тебе же Дэн предлагал влиться, но ты побоялся испачкаться...

Мойдодыр внимательно слушал Сашу, только оспины на его лице белели от напряжения.

– ...А знаешь, почему он предложил тебе, а не еще кому-то? Потому что он помнил ту раскачку на водокачке... И он помнил всегда! Точнее, думал, что добро и есть добро, а, оказалось, сгнивает оно еще быстрее, чем зло, потому что мягкое, как говно... – Саша, переведя дух, продолжил: – Только ты тогда, после "водокачки" залез под мягкое пуховое одеяло, а он под положняковый "фуфан". Разницу ощущаешь? А теперь, когда структуры, о которых ты тут декларируешь, маскируя под лучезарной личиной, задыхаются от генерируемой ими же жадности, ты говоришь о детско-подростковой расположенности! Что с вами случилось, Жень?

Мойдодыр, облизав губы, сказал:

– Поэтому я и говорю с тобой, потому что помню про "водокачку". – Он указал на стол, призывая Сашу продолжить партию. – Дэну не следует выходить, или пусть уедет сразу. Так

будет лучше для всех. Поверь, я не из воздуха это сшил... Конечно, он прикрыт, но это не вечно! А не будет его – компаньоны сами начнут искать новую ветку...

Саша уложил дуплетом шар на середину.

– Да он все знает! – Саша снова закипал. – Неужели ты думаешь, что он не просчитал возможные варианты? Собрано у него на десяток громких процессов, но он не выкладывает это... Это его гарантия, Жень, гарантия, понимаешь? – Он прицелился в последний по партии шар. – А тебе я хочу сказать одно: мне неизвестно, насколько вы глубоко с Дэном эту схему полировали, но новая ветка, что в землю тогда "врыли", была слишком близка к оригиналу, а знали об этом только ты и Дэн! Даже я был не в курсе... – Саша забил восьмой, щелкнув громко о лузу. – Здесь уже ты запачкался. Как ты Дэну все объяснишь? Отмыться-то сможешь? Салфеток не хватит. – И он аккуратно положил кий на сукно. – А, Дэн? Он не уедет. Он мог бы и в другом городе жить – проект позволяет. Да только прёт его от этой виртуальной конфронтации, прёт!

Саша кинул на стол несколько банкнот и сказал:

– Не суетись! Это за поле... До встречи!

Не дожидаясь ответной реакции, направился к выходу, глядя с неприязнью на ни в чем не виноватый персонал "2лузы". Его правое плечо подергивалось, как обычно, при эмоциональном напряжении и раздражении.

*

Вновь заработали дворники на лобовом, реагируя на очередную линию дождя. Асфальт блестел черной рекой, чье русло обозначалось дорожными столбами. Лесной массив сменил ровно подстриженный кустарник, бегущий вдоль дороги, – неизменный участник дорожного движения. Серость неба, казалось, остановила землю.

Саша любил трассу, на ней он отдыхал, абстрагируясь от суеты повседневной жизни. Раздался звонок.

– Брат?

– Да!?

– Ты далеко?

– Нет! Мне пару часов надо, но если...

– Ты не суетись... У меня тут перебой небольшой. Ничего не поменялось, просто отодвинулось.

– Как быть?

– Просто быть, – Дэн рассмеялся и добавил: – Я перезвоню...

– Не откладывай!

– Не буду. – И он, снова смеясь, отключил телефон.

Замелькали знаки, указатели. Из серости, светясь фонарями и рекламными щитами, выплыл кубообразный комплекс с заправкой. Судя по заставленной парковке, люди коротали здесь время, отдыхая от трассы.

Стандартный набор – гостиница, ресторан, казино, кафешка и ряд контрафакта. Саша задержался у стеллажа с музыкой – никогда не мог пройти мимо. Приобрел "Wish" The Cure. Услышал голос:

– Клевая пластиночка!

Оторвав глаза от вымышленного производителя диска, Саша уставился на производителя голоса и фразы. Девушка, на вид лет семнадцати, но с выразительно взрослыми глазами и в не по-детски "вбуханном" гардеробе. Саша с интересом переваривал сочетание.

– Попьем чего-нибудь?

– В смысле? – переспросил Саша.

– В смысле сушит, как растамана посреди пустыни, а там, – довольно изящным жестом девушка показала на верхний этаж, – оазис с живительной влагой... Или ты предпочитаешь дождь с техногенным спреем?

– А... это?– Саша улыбнулся.– Идем, конечно!

Девушка, комично поджав губы, но идеально держа спину, поднималась по лестнице.

– Мне "Писю-колу", диету!– бросила она через плечо и направилась к одному из свободных столиков.

Саша, взяв напитки, окинув взглядом присутствующих, сел напротив девушки на плетеный стул, ощутив себя дачником. Девушка курила, но с таким видом, словно полмира умоляло ее сделать это, а вторая половина ждала, когда она докурит и скажет хоть что-нибудь. Она была приятная: черное каре, острый подбородок, зеленые глаза, стройна и все такое.

– "Пися"– Саша подвинул к ней стакан.– Убеждают, что без сахара.

– Угу... – произнесла она и, глотнув, добавила: – Не врут – без него!

– Химия!– сказал Саша, размешивая шапку сливок в кофе по-венски.

– Ну да... Не социология,– согласилась она, затягиваясь сигаретой, кивнула на диск: – А ты что, депрессируешь?

– Релаксирую!– дернув плечом, ответил он.

– Ого!– Она обвела зал взглядом, видимо, впервые.– Не по сезону как-то. И что, получается?

– Ну, да... Без особых усилий.

– А едешь куда?

– На восток.

– А что там?– Девушка звучно пробурлила в стакане трубочкой.

– Восток...

– Слушай! У тебя что, затянувшаяся депрессия что ли?

– Не... она у меня замедленная, как мина!

Саша расслабился в этой кофейно-диалоговой дымке, отодвинув дождь и брата куда-то к десертным приборам.

– А у тебя что?– спросил он у девушки.

– Глупость!– ответила она, все-таки туша сигарету.– Отполированная мною же до блеска глупость. Вчера выехала к подруге слишком рано, смотрю – тут витрины. – Она махнула рукой.– Так, не витрины – стекла одни. Ну, в казино зашла... Так и болтаюсь тут, трубку разбила... Звонят, наверное, все! Зависла между небом и землей – у подруги не оформилась, и дома с отчетностью завал! Турбулентность какая-то...

– Как разгрести будешь?

– Не знаю... – Она кивнула головой в пространство. – Хоть бы лавку открыли с советами платными, а то построили лабиринт безвыходностей, оторвались от мира и меня с собой тащат... А мне что, в звезды руками упираться что ли?

Она закурила еще и, положив подбородок на руку, упертую локтем в стол, посмотрела на Сашу. Тот прочел в этом призыв к диалогу.

– А у меня, вроде как, все определено... Еду! Поездка не деловая, но важная. Позвонили, отложили, вот жду до звонка.

– Слушай, может место такое?

Саша, окинув взглядом зал, людей, сказал:

– Или мы такие?

Они рассмеялись.

– На самом деле, уже полгода ловлю себя на мысли, что скольжу на месте.– Она смотрела Саше в глаза.– Ну как на гололеде, понимаешь?

– Угу!

– Все куда-то несутся, стремятся, чего-то добиваются в жизни: рост, карьера... А я скольжу, бег на месте какой-то, блин!

– Может, не то направление?– спросил Саша.

Она вновь комично и в то же время с изяществом дернула плечами.

– Не знаю, может... – в ее поле зрения попала официантка, – составишь компанию? Я голодна...

– Давай!

В процессе болтовни Саша разделался с телятиной, собеседница с видом гурмана методично пережевывала лазанью.

– Хороший "членовек"! – Она махнула вилкой в сторону вошедших людей – группы с явным лидером.

Саша мельком взглянул на размещающихся за столом, переваривая услышанное.

"Членовек – что это? Связано как-то с эрекцией? Заглянуть дальше – с «вековой эрекцией»! Как много заложено в одном исковерканном слове. Сначала «Пися-кола», теперь вот это!"

Саша, еще раз взглянув, узнал того, кто явно позиционировал себя как задающего в компании тон. Мелькнула догадка, и он взглянул на девушку, словно ожидая подтверждения. Та манерно вытерла губы и сказала:

– Я сама его не знаю, так подружка показывала... А у меня память – сканер!

Она снова закурила, жестом спрашивая разрешения.

Конечно, Саша знал этого на вид интеллигентного, с уставшими глазами человека. Он был строен, лысоват, но с затянутыми в хвост волосами. Тонкие пальцы и манера вести диалог в успокаивающем тоне. Ему нравилось, когда его называли Казанова или Ловелас. Он трудился в сфере порноиндустрии. Успех сопутствовал ему в этом деле. Также он приторговывал элитными девочками лично для особых клиентов и не забывал собирать налоги с уличной торговли телом. Подборку своих громких имен он получил не за отношение к интимному бизнесу. Нет, он трубил направо и налево о своей сверхчеловеческой мужской силе, утверждая, что его возбуждает все, что связано с женщиной. Вплоть до сережки, оставшейся на полу. Люди же, циничные критики, утверждали, что этот сердцеед слишком растрачивается на рекламу продукта с несуществующими преимуществами. За глаза его называли Боня.

Пикантность ситуации состояла в том, что этот неувядающий секс-символ еще недавно имел разговор с Сашей и, как ни странно, о Дэне, о грядущем, о возможном и, конечно, о его неподавляемом потенциале.

– Саша, пойми, для меня это все как родное... Я знаю этот бизнес от А до Я. – Голос Бони убаюкивал Сашу в центре города. – У меня брат вырос на этом, не знает никто... Вот вы все думаете: позвонили – и я привез, увез... Там ролик снял, там сценку для корпоратива организовал... И на этом все, я кончился!? А ведь нет! У меня и административные ресурсы по всему региону и там, за "хребтом"... И все звонят, беспокоятся, помощь свою предлагают, сотрудничать хотят – не могут без меня. Им слияния нужны... Ну?

– Ну а я-то ничем тебе помочь в слияниях не могу... – Саша разглядывал безукоризненный костюм собеседника. – Удельный вес твоего товара на рынке – процентов семьдесят?

– Девяносто! – Боня резко отреагировал на нарочно заниженную цифру.

– Ого! Да ты монополист. Тогда тем более не понимаю, зачем тебе это... Или ты решил перепрофилироваться?

– Сам знаешь, что – лучшие друзья девушек! – При этом Боня сладко улыбнулся.

– Не знаю, – ответил задумчиво Саша, его начинал раздражать бесполезный разговор с бесполезным для него человеком. – Зато знаю, что бывает с теми, кто хочет сесть на два стула сразу.

– Знаешь, я усидчивый! – отреагировал Боня, а на легкое повышение голоса зашевелились его телохранители, но, остановив их взглядом, он вновь запел, успокаивая, вызывая у Саши зевоту: – Ведь и ты уже вырос, мы можем вести дела совместно!?

– Не мой профиль, – ответил Саша. – Да и почему тебе не поговорить с братом? Может, найдете что-то общее, со мной он этого не находит.

Боня поморщился, словно от неприятной боли.

– Ты же знаешь, что это невозможно... А над моим предложением подумай! Да и так звони – у меня новые девочки... Есть мулатки!

– По рукам! – И Саша заспешил отойти в сторону.

*

Теперь и Боня заметил Сашу. Кивнув ему приветственно, конечно же, заложив в кивок и напоминание о недавнем разговоре.

Девушка, расправившись с десертом, заявила:

– Не вешай нос! Он тебе еще пригодится... – И она без какого-либо намека на стеснение достала пакет с белым порошком и высыпала на коробку приобретенного Сашей диска внушительную кучку.

Он с интересом наблюдал за ней. Та скатала трубочку из банкноты и произнесла:

– Тебе ведь тоже, наверное, нравится эта легкая эйфория..., поток чистых, ничем не обремененных мыслей, вседозволенность и близость к богам, в конце концов... – При этом она смотрела Саше в глаза. – Разделишь со мной эту скромную трапецию?

Не дожидаясь ответа, она "всосала" часть порошка, не утруждая себя строить тонкие «дороги».

– Спасибо, я уже сыт!

Девушка, пощупав нос, вдруг представилась:

– Мина!

– Тоже замедленная?

– Сейчас узнаю! – И она вдохнула еще часть порошка. – Может, и взорвусь...

То, что происходило следующий час, в реальности Саша воспринимал как зритель кинофильма в D-формате. Как наблюдатель, критически оценивающий происходящее. К их столику подошли четверо молодых людей с наглыми, но явно служебными лицами. Они, предъявив удостоверения, предложили Саше и его спутнице пройти с ними.

Саша, вставая, с ненавистью смотрел на коробку, ведь кроме "Желания" от Robert Smith, на ней оставались остатки зелья, ну и, конечно, весь набор его отпечатков. Можно было упереться быком, но факты налицо.

Пока они спускались по лестнице, Саша поймал полный сочувствия взгляд Бони, на что он даже успел выдавить улыбку в ответ. Все бы ничего, но в комнате безопасности комплекса у него изъяли "мини грипп" с белым порошком. Мина при этом сделала круглые удивленные глаза.

Когда ребята из органов Внутренних дел (это выражение у Саши всегда ассоциировалось с женскими гениталиями) обронили фразы, содержащие сроки в долгосрочной перспективе, Саша вспомнил свой первый импульс: он хотел встать и уйти, когда Мина нюхала порошок. Теперь он пытался понять, какие аргументы перевесили этот порыв.

Развязка оказалась интересной: когда ребята из органов отправились производить обыск Сашиной машины, в дверном проеме появилась блестящая от геля голова Бони. Сюжет прорисовывался уже совсем в другом ракурсе, но более предсказуемом для Саши. И вот он стоял перед тем же Боней, как и десять дней назад, но с чувством глубокой благодарности на лице к собеседнику.

– Не благодари, Саш! Ты же понимаешь, я случайно здесь оказался. – Боня с проникающим откровением смотрел в Сашины глаза. – Чисто случайно ребята оказались из числа моих клиентов. Тебе повезло...

– Вне всякого сомнения, сегодня счастливый день! – Саша был серьезен как никогда.

– Вот видишь... А представь, как был бы продуктивен наш альянс! Казалось бы, из безвыходной ситуации мы выбрались... совместно!

– Совместно, да!– согласился Саша.– Это даже к чему-то обязывает...

Он это произнес, чтобы удостовериться в следующей фразе собеседника.

– Просто..., когда встанешь перед выбором, – Боня вновь усыплял, а следующее было как поцелуй перед сном: – Вспомни об этой небольшой услуге.

– Да уж, не забуду. А сейчас спешу, извини! Брат ждет.

Дэн действительно звонил несколько раз в тот момент, когда Боня жестикулировал перед ребятами из органов, разравнивая ситуацию.

– Бл...дь! – вырвалось у Саши, и он хлопнул по рулю, сев в автомобиль.

– Подождешь немного, брат?– спросил Саша, когда все-таки дозвонился до него Дэн.– Заминка была...

– Уже?– рассмеялся искренне брат.– Ты, главное, не спеши: дорога скользкая, канавы глубокие...

– Скоро буду!

Застоявшийся мотор ровно загудел, корпус слегка вздрогнул, и Саша помчался в капсуле из стекла, пластика и металлических сплавов навстречу плотной стене дождя и неминуемо надвигающимся событиям.

*

По теории немецкого социолога Макса Вебера лидеры бывают трех типов: традиционные (цари, князья, вожди племен), рутинные – выбираемые голосованием на новый срок, и харизматичные, чей приход к власти стал апогеем бунта или гражданской войны. Папаша Дениц сочетал в себе все три критерия этой теории.

Вне всякого сомнения, он был традиционен: явно признанный авторитет среди ему подобных преступных элементов. Появившись в городе после очередного отбывтия наказания, он столкнулся с негативной реакцией со стороны действующего на тот момент лидера. Грянула не гражданская, но война, которая походила скорее на кровавую бойню.

Конечно, Папаша Дениц вышел из нее победителем и, соответственно, – новоиспеченным вождем. Такая аналогия с командующим подводными силами морского флота третьего Рейха также была не случайна. Дерзкие нападения бойцов на врагов Папаши были схожи с нападениями "волчьих стай" реального адмирала Деница.

Но история циклична и пестрит своими громкими повторами. Экспансия влияния Папаши подобно бубонной чуме стремительно распространилась на соседние регионы, безжалостно поглощая чужие интересы. Против его самого и "волчьих стай" выдвинулись совсем другие силы. Конкуренты при поддержке силовых структур. Папаше был объявлен тотальный террор. Как и в последних морских сражениях Второй мировой, раздробленную пехоту Папаши уничтожали превосходящими силами. Когда бригады Папаши совсем истощились, он частично пересмотрел свое мировоззрение и принял решение: согласно модной на тот момент тенденции начать работу... с представителями власти. Чья власть становилась уже безграничной.

Саша знал Папашу с детства, результатом знакомства стала бурная молодость Дэна. Пока последний отбывал наказание, Папаша при встрече производил едва заметный кивок головы и легкое подергивание губ. Такого приветствия ему было достаточно. Сашу это тоже устраивало.

Как стандартный вожак, Папаша был человек действия. При этом, действуя на грани безумия, он не потерял инстинкт самосохранения, как принято среди лидеров. Это подтверждал и тот факт, что Папаша был еще жив. И был почти неприкасаем благодаря контактам с верхушкой представителей власти. При такой конъюнктуре он сохранил и классические черты:

абсолютную нетерпимость к противоположным точкам зрения других людей, идущим вразрез с его мнением, и... предательству. Что несколько противоречило его поступкам.

Папаша был высокий, абсолютно лысый и достаточно крепко сбитый. Выходя из турецкой парилки бани, которую Саша регулярно посещал, он и увидел крепкую фигуру Папаши за Сашиним столом. Крепких тел в бане было достаточно, но не каждое было шедевром тюремного бодиапта. Саше же всегда татуированные тела напоминали моющиеся обои.

– Искандер!– губы Папаши растянулись в улыбке, которая никак не гармонировала с холодом синих глаз.– Здравствуй!

– И я рад встрече...– Пожав сильную руку, Саша сел напротив, попивая безалкогольное со вкусом ржаного хлеба.

Трое крепких парней рассредоточились в метре от стола. Из-под их легких рубашек в районе брючных поясов выпирали невидимые, но угрожающие предметы ведения войны. Папаша был неисправим, все в его пользу: баня – ни оружия у общей массы, ни микрофонов, ни телефонов с многопиксельным запоминанием. Внезапность.

– Давно не виделись, Искандер!– Он снова улыбнулся, взглянув на свет сквозь бокал с вином.

– Я тоже успел соскучиться. – Саша догадывался о предстоящей теме разговора.

– А Дэна еще дольше не видел... – И Папаша снял пробу с вина.– Как он, кстати?

– Через десять дней поеду встречать.

– Десять дней... Мне много раз оставалось десять дней. И так же мои близкие считали эти дни... Это лишний раз подтверждает, что они – близкие – наказаны вместе с нами. Десять дней...– Папаша был склонен к своеобразной философии.– Как время летит... Для кого-то тянется... Ход времени – наш медленный убийца. Не находишь?

– В смысле?

– В общем, в общем... – Папаша рассмеялся.– Знаешь, сейчас вспомнил, как познакомился с Дэном!

Саша тоже позволил себе ухмылку, вспомнив ситуацию.

– Он "надломил" мои "котлы" на вечерине, в суматохе... А через двадцать минут впарил моему близкому.

Они рассмеялись. Фишка была в том, что Дэн продал часы нижестоящему, чем Папаша, в иерархии, но близкому человеку. Когда Папаша увидел на руке своего подчиненного часы с бриллиантами, но отсутствующие на его руке, на их законном месте, он был удивлен. Так они и познакомились. После этого они неоднократно проворачивали кривые сделки.

– Всегда ценил в тебе трезвую голову и аналитический склад ума.– Папаша цедил вино словно небесный нектар.– Ты же понимаешь, почему я здесь?

– Не трудно догадаться...

– Дэн, конечно, парень с головой, – продолжал вещать Папаша, – и вполне возможно, что он смог наладить деловые отношения с необходимыми людьми. Но он не смог бы проложить маршрут!

– А ты недооцениваешь его...

– Ни в коем случае! – Папаша вдруг заерзал, переходя на абстрактные личности.– Они, они же, как падальщики..., ничего сами сделать не способны. Им легче готовое отнять, ты же знаешь, это не так и сложно!

– Ну и?– Саше опротивел этот хлебно-ржаной разговор.

– Ну и вдруг все сложится так, что у вас загорится земля под ногами...– Папаша наклонил голову вбок.– Ты приди ко мне, Искандер! Все решаемо...

– Не знаю, будет ли мне с чем прийти...

– А ты помножай, покубатурь – может, что-то и срастется... А сейчас, извини, много дел!

Папаша поднялся. Вместе с его рукой с трудом оторвались от стола массивные качественные часы известного бренда размером с канализационный люк. Дениц, как трейдер с Wallstreet, тратил деньги на дорогие часы и автомобили.

Сидя в египетской парилке, Саша ухмылялся над словами Папаши, говорящем о "падальщиках" в третьих лицах. Своим появлением он подтвердил, что сам является таковым.

Нет смысла упоминать обо всех контактах, внезапная насыщенность которых за две недели превзошла то количество, которые были у Саши за время отсутствия Дэна. Но на некоторых надо остановиться, так как они имеют прямое отношение к будущему развитию событий.

Паша Детский появился в кафе, когда Саша коротал время за двойным кофе, ожидая компаньона по одной из сделок. Детский с сотоварищами бесцеремонно уселись за столик. Саша захлопнул лаптоп и с выжидающим лицом взглянул на лидера троицы. Ему становилось интересно – в какой интерпретации будут поступать предложения с учетом индивидуума, сидящего перед ним.

Детский представлял собой странное сочетание инфантильности и безграничной нечеловеческой жестокости. В свои тридцать он одевался как фанат группы "KrisKross" и имел физиономию второгодника, застрявшего в седьмом классе общеобразовательной школы. И при всем при этом его руки, как у палача, были в крови по локоть.

– Привет!– раздался детский дискант, пробивающийся сквозь блуждающий во рту "ChupaChups" (преданный "друг" Паши).

– Может быть!– ответил Саша. – Вообще-то я жду человека.

– Это займет "децл" времени, – с ухмылкой заявил Сквозняк – правая рука Детского.

Саша иногда размышлял о распределении ролей в группе Паши и даже представлял их в работе.

– Ладно, у вас пять минут! Затем расстанемся по любви...

– Ты же знаешь, кого мы сейчас представляем и зачем мы здесь?– пропустил мимо ушей Сашину фразу Детский.

– Зондеркоманду из Дахау?

Усталый – еврей по национальности – поерзал на кресле.

– Может, сам продолжишь?– надул губы Детский.

– С чем, с "ChupaChups"– ом?

– Ты давай осторожнее!– сунул свой прыщавый нос Сквозняк.

– Тебе не стоит так грубить, – продолжил Детский.– Наш работодатель интересуется, сколько надо тебе и твоему братцу, чтобы вы подвинулись, а еще лучше, чтобы уступили место серьезным людям?

– Мы же не в трамвае, – ответил спокойно Саша.– И Ледяной не инвалид, хотя, прислал говорить тебя..., то я не исключаю такой возможности.

Произнесенное вслух имя работодателя заставило этих чернорабочих ерзать еще больше на своих креслах. Ледяной прославился тем, что во времена, когда представители малого и среднего бизнеса облагались налогом, он, обливая свои жертвы водой, ставил их сушиться в морозильник.

– Поверь мне,– голос подал Усталый, – люди иногда очень быстро расстаются со своими устоявшимися убеждениями!

Саше он всегда казался самым приличным. Но теперь Усталый своей тирадой только подтвердил, что у них интеллект один на троих.

– Это угроза?

– Нет! Предсказание будущего...

– А вы группа отшельников – оракулов, странствующих с миссией...– Саша не договорил, обратив внимание на Детского, который застыл, глядя ему за спину. Саша оглянулся и увидел мультяшный видеоклип, транслируемый по большой плазме. – О-о-о! – невольно вырвалось у

него, и, собирая вещи, он добавил:– Я знаю, как связаться с вашим работодателем... А сейчас отдыхайте и не отказывайте себе ни в чем!

Когда тебя загоняют в угол, инстинкт самосохранения иррационально толкает тебя в свободное пространство. Если оно существует. Но и там ты в каждом человеке видишь врага, пытаешься угадать, что там под маской расположенности и участия: человек это или чемодан с двойным дном. Все зависит от интуиции, которую Саша считал чем-то эфемерным и дождливо-размытым.

Поэтому при встрече с Толей Молотком Саша отнесся к нему предвзято, с осторожностью. Объяснить, почему "Молоток", можно тем, что он занимался в свое время боксом. Он также давний товарищ Дэна, но камнем преткновения в их отношениях стал Папаша. Который считал, что Толик пагубно влияет на светлую голову Дэна, хотя на самом деле было все наоборот. Толя впервые в жизни не стал стучаться в стену (а именно в мировосприятие Дэна), забыв о своем прозвище.

Толик уехал в Европу, где занимался маркетинговыми исследованиями для одной состоятельной фирмы, но был уличен в промышленном шпионаже. За что отбыл недолгое заключение. И вернулся.

– Сашка!– раздалось за спиной, и, оглянувшись, Саша увидел Молотка у входа в бассейн "Дельфин".

Толя всегда элегантно одевался. Сейчас он был в длинной "шкуре" и деловом костюме; очки частично скрывали кривизну носа.

– Ну здравствуй! – Он, казалось, был искренне рад встрече.

– Привет!

– Поговорим?

– Давай...

– Я сразу к делу,– Толя закурил, выдыхая в Сашину сторону дым.– Знаешь же, что за возня началась?

Саша кивнул.

– Мыши позавидуют... – Молоток плюнул на подмерзшую лужу и продолжил. – Знаешь, как я отношусь к Дэну, несмотря ни на что...

Саша снова кивнул.

– На фоне глобального экономического спада действующая ветка Дэна является очень аппетитным куском для всех, так что...

– Что?– Саша не терпел пауз.

– Не оставляй его одного... Эти крокодилы уже точат зубы, даже не скрывая этого.– Толя "отстрелил" в сторону окурков от сигареты.– И будет трудно... Я помогу, если...

– Если что, Толя?

– Если вы придете ко мне первому, – Молоток пожал плечами. – Как только вы обратитесь к кому-то из "них", будете на несколько порядков слабее, тогда я не смогу... И еще!

– Еще?– эхом повторил Саша.

– При условии: не должно быть никакой наркоты.

– Я понял, Толя.– И Саша пожал его крепкую руку.

Встреча Молотка именно в эти дни породила в Саше сомнения в его искренности. Толя интеллектуально в разы превосходил таких претендентов на шкуру неубитого медведя, как Ледяной и Папаша. Но эти могли легко подобрать кадры из болтающихся по городу без дела грамотных специалистов в вопросах менеджмента и экономики. Тем более, что проект "ветки" только поверхностно касался сферы сложных наук и цифр. Но эти маргиналы клинически не могли справиться с проектом Дэна без специалистов. Хотя, скорее всего, очень хотели бы. Ведь там, где большой прирост капитала, у патологически жадных людей возникает необходимость управлять всем собственными руками.

*

За неделю до освобождения брата встреча с Каролин оставила в душе Саши след мрачной неясности. Она очень хотела встретиться и без каких-либо условностей спросила:

– Ты знал про эту французскую шлюшку?– Когда она нервничала, сдувала со лба спадающую челку.

– Здравствуй, Каролин...

– Какая наглость! Она пишет ему, называя при этом Сладким перчиком!– Челка вновь взлетела вверх.– Нет, бл...дь, каково тебе это?

– Может, стоит успокоиться и разобраться во всем?– миролюбиво беря руки Каролин в свои, сказал Саша.

– Разобраться в чем? – она взвизгнула.– Какую именно из частей его тела она называет "перчиком"? Саша! Это что, юмор у тебя такой?

– Нет... Но я тебя знаю как адекватного человека, способного разобраться в любой ситуации...

– Слушай... Я читала письмо! И там нет никакой двусмысленности, все предельно ясно! Но я, как человек, заботящийся о целостности и благополучии семьи, дождусь от него объяснений... Но только если они будут вразумительны и четко обоснованны.

Здесь она подняла вверх ладони, жестом давая понять о конце дискуссии. Затем кивнула головой, и к ним подъехал "Lexus". Каролин с достоинством села, и автомобиль укатил. Кто сидел за рулем джипа, Саша не видел. Да он и не стремился увидеть – нетрудно спрогнозировать роль водителя в подобной ситуации.

Через доли секунд припарковалась BMW, полностью тонированная, и из нее выгрузились крепкие парни. Одного из них – Гену-Пацифиста – Саша знал отлично. И он приготовился к восприятию демонстрации эксклюзивных понтов.

Гена начал свое восхождение со спекуляции. Он спекулировал на всем. Начиная с фирменных шмоток, когда их катастрофически не хватало. Информацией, причем любой – от наколок для воров и грабителей до компроматов на представителей высших эшелонов власти. Спекулировал отношениями... В общем, Гена в любой ситуации получал свою маржу.

Был момент, когда Гена прибил к одной из преступных группировок и нарушил один из основных постулатов, и, вопреки всех правил, теперь просто отработывал свой поступок.

– Шура, Шура, Шура... – пропел Пацифист, глядя вслед уезжающему Lexus-у. – Что, Каролин не так уж и кристально чиста?

Сбоку от Гены хмыкнул парень с вмятым в лицо носом.

– Ну да, ты же знаешь все о чистоте отношений!– Саша плюнул в сторону.

– Ты о чем сейчас?

– О чистоте отношений с органами.

Теперь усмехнулся другой парень, но осекся под взглядом Гены.

– Никто не идеален!– спокойно заявил он.– А знаешь, почему?

Саша молчал, глядя в Генины глаза, отражающие неон магазинных вывесок.

– Потому что идеальные все – в земле!

Саша лишь сжал губы в улыбке, поражаясь формулировке оправдания.

– Бас!– крикнул Гена одному из сотоварищей.– У тебя там, в "Некрополе" найдется пару мест для Шуры с Дэном?

Лицо Баса, обезображенное шрамами и "избытком" интеллекта, просветлело, и он прохрипел:

– Для своих всегда есть лучшие места. Со скидкой! Под академиком и профессором...

– Слышишь, Шура? С видными людьми и лежать легче...– Гена усмехнулся.– Буквально утопать в славе можно!

– Ты для себя там что-нибудь забронируй!– усмехнулся Саша.– Тем более, что уже прославился... А мне известность ни к чему. Что хотел?

– Продайте бизнес! У меня и покупатель хороший есть.

– А не подавишься?– Саша сжал зубы.

– Нет!– ответил Гена с уверенностью. – А вот вы не вытяните – слабые вы... Механизм запущен, перемолотят вас шестеренки в порошок! А так и грудь в крестах, и при деньгах, или...

– Что?

– Придется делить жилплощадь с лауреатами! А Каролин...– Гена сплюнул сквозь зубы.– А знаешь, что говорили софисты?

– Ну, поведай, философ ты наш...

– Существовал древний софизм «Рогатый»: "То, что ты не потерял, ты имеешь; ты не потерял рога, следовательно, ты их имеешь".

– Софисты были мастерами ложных умозаключений! – Саша нервно засмеялся.– Ну а ты-то сам ничего не терял?

– Да, смешно, – медленно проговорил Пацифист, оглянувшись на едва сдерживающих смех спутников. Он обернулся, и глаза его просветлели. – Рога ведь тоже разные: такие, что отросли у Дэна, означают, что его имеют, а я... – он сглотнул слюну, – я сам имел!

Саша рассмеялся во все горло, пугая спешащих мимо прохожих. Затем сказал, глядя в глаза собеседнику:

– Ты недалновиден, ведь тебя загнут, держа за эти рога, только переступишь порог того заведения, куда ты так не хочешь попасть!

Гена дернулся, но его остановили парни. Саша, прищурившись, выдержал этот всплеск эмоций. Затем проводил взглядом отъезжающую BMW. Сев в машину, он позвонил на самую популярную радиостанцию и заказал песню "для Гены" и, пока ехал, с удовольствием подпевал: "Лети, лесной олень, в свою страну оленью...".

Он смеялся, заряжаясь позитивом. При этом он прекрасно понимал: тучи сгущаются над его головой и головой брата.

Саша всегда знал, что человеческая жадность может достичь колоссальных размеров, и, когда она, как двигатель прогресса, начинает двигать человеческими мозгами, частью результата ее действий становятся страдания и гибель людей, очень часто ни в чем не повинных.

Тем не менее, он намеренно накалял обстановку своей дерзостью, понимая, что столкновения неизбежны. А лучше быть во всеоружии, чем тебя убьют в спину.

Мрачный силуэт исправительного заведения проявился на фоне свинцовых туч фрагментами заборов, путанок, кусков зданий, попавших в бледный свет фонарей. Было только начало четвертого, а создавалось впечатление, что все поглотили девятичасовые сумерки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.